

ВОКРУГ ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО «СЕМЬ ЛЕТ»

Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова,
Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской,
М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой

*Публикация, подготовка текста и примечания
М.А. Васильевой и О.А. Коростелева*

Предлагаемая подборка писем адресована писателю Владимиру Сергеевичу Варшавскому (1906–1978), автору повести «Семь лет», вышедшей в Париже в 1950 г. Корреспонденция публикуется впервые по оригиналам, хранящимся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 54). Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имён и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Конъектуры помещены в угловые скобки. Публикация писем сопровождается приложением, в котором воспроизведена рецензия Г.В. Адамовича — наиболее часто упоминаемая в письмах литературно-критическая оценка военной повести Варшавского. Глубокую признательность за помощь, оказанную на разных этапах в подготовке данной публикации, хотелось бы выразить Т.Г. Варшавской, А.М. Грачевой и В. Хазану.

1

В.С. Яновский — В.С. Варшавскому
2 октября 1950 г. Нью-Йорк

2 октября,
1950

Дорогой Варвар!

Спасибо за книгу, я ее успел прочитать еще до получения моего экземпляра: одолжил у наших общих друзей. Она здесь всем нравится. Поздравляю тебя с «издательским» крещением. В общем, я согласен с отзывом Адамовича¹ (в основном). Хотя писал он (и вообще пишет теперь) скучновато.

Книга мне очень нравится, хотя я почему-то ждал большего. Критические замечания... Во-первых, не равномерно: военным эпизодам, дроль дэ гэр², продолжавшимся полгода, посвящено 135 страниц, а плену — шесть лет — остальные 165. Военные страницы очень хороши и художественно переработаны, плен больше «смахивает» на документ, дневник. В плену многое пропущено (именно, поскольку это «дневник»), многое не ясно, причесано. Где ваша сексуальная жизнь?

Именно от тебя я ждал «документа» в этом смысле³. Раздражают портреты: описания наружности, одежды, литые персонажи, «типы» (и это под формой дневника?). Я не верю твоим портретам, ибо вижу, как ты описывал известных мне людей. Наши собрания вышли куцовоато⁴, служат тебе только разбегом (а тез)⁵. Мануша⁶ не полный, профессор писал также о Пассионарии с энтузиазмом⁷, Полянский (если это я?)⁸ не говорил таких преступных пошлостей о христианстве и страдании, и, наконец, Вильде елейный⁹. (Ты помнишь, принимая его в содружество, мы даже обсуждали вопрос — не «шпион» ли он.) Типов нет. Это всё было сложнее и не так «пластично» (по Алданову или Толстому, как хочешь, ибо и в Толстом есть Алданоизмы). Велик Толстой своей беспрестанной борьбой за самоулучшение. Но и в этом ты не дорастаешь до Толстого. Эпизод, где ты, смакуя, занимаешься психологией: когда убивают Раймонда и твой герой не может выжать из себя сочувствия и жалости… это нарциссизм. Толстой бы либо любил его, либо взмолился бы о даровании другой природы. Ведь молился же ты, когда голодал или при смертельной опасности. А тут не взмолился.

Это моя критика. Надеюсь, ты не рассердишься. Лучший эпизод, мне кажется, как вы выползаете назад из-под бомб, это можно в хрестоматию.

В нашем журнале 3ий час я постараюсь написать заметку о тебе (по-английски), если Извольская изволит¹⁰.

1) Перешли, пожалуйста, мне письмо Прегель!¹¹

2) Сообщи адрес Адамовича!¹²

Жму руку. Пиши.

В. Яновский

Публикуется впервые по оригиналу (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; далее – ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись с дописками от руки черными чернилами (дата, последние три абзаца и подпись на обороте). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Имеется в виду рецензия: [Адамович 1950]. Полный текст рецензии Г.В. Адамовича см. в приложении к публикации.

² От «drôle de guerre» — странная война (*фр.*). Странной, или смешной,войной окрестили сперва американцы (Phoney War), а потом и сами французы период с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. во Второй мировой войне, который отличался почти полным отсутствием боевых действий на франко-немецкой границе.

³ Некоторые критики, наоборот, отмечали переизбыток физиологичности, см., например, отзыв Андреева на следующую публикацию В.С. Варшавского о войне: «“Дневник художника” Вл. Варшавского — полная противоположность романтизму Косача. У Варшавского — наблюдательный глаз, ряд картин и образов, иногда неприятных из-за откровенной физиологичности, сами по себе подтверждают, как и его повесть “Семь лет”, одаренность писателя. Но центр тяжести его прозы в самоанализе героя: мыслей, чувств, ощущений, поступков, даже снов, т. е. в том сознательном разложении спектра человеческой психологии на составные элементы, которое утвердилось у некоторых западных прозаиков после Первой мировой войны и которое отразилось у нескольких эмигрантских авторов и нередко с проблематичным успехом. В данном случае — “Дневник” оправдывает

своей формой эту манеру. Часто раздражающую отсутствием “стержня”, но удобно включающую в себя зачатки самых разнообразных жанров и “первозданный хаос” авторского “сырья” всех видов» [Андреев 1953, 16 мая. № 554, с. 4].

⁴ Имеется в виду основанное И.И. Фондаминским в 1935 г. религиозно-философское объединение «Круг» (Париж, 1935–1939), которое стало местом встреч двух поколений — эмигрантских писателей младшего поколения с религиозными мыслителями старшего. Постоянными участниками общества были (помимо самого Василия Яновского и Владимира Варшавского) Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, мать Мария, Г.В. Адамович, Ю.К. Терапиано, Юрий Фельзен, Б.В. Вильде, А.П. Ладинский, Л.Ф. Зуров и др.

⁵ От à thèse — тезисно, тенденциозно (*фр.*).

⁶ Описывая заседания «Круга», Варшавский вывел многих участников под вполне угадываемыми именами. Общественный деятель, публицист Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков; 1880–1942) в повести представлен под именем Эммануила Осиповича Кладинского (Мануши). Подробнее о расшифровке прототипов в романе «Ожидание» см.: [Хазан 2011].

⁷ Речь идет о Г.П. Федотове, который действительно писал о Пассионарии (Долорес Ибаррури (*Ibarruri*; 1895–1989)). См., в частности: [Федотов 1936]. Яновский имеет в виду, что реальный Федотов не вполне соответствовал тому образу, который был запечатлен в книге Варшавского.

⁸ Скорее всего, Яновский сделал верное предположение, что под фамилией Полянский в повести был выведен он сам.

⁹ Герой движения Сопротивления Борис Владимирович Вильде (псевд. Борис Дикой; 1908–1942) был выведен в повести под именем Вани Иноземцева.

¹⁰ Экуменический журнал «Третий час» (Нью-Йорк, 1946–1976) был основан писательницей, переводчицей, организатором одноименного экуменического общества Еленой Александровной Извольской (в иночестве Ольга; 1896–1975). Круг имен, представленных в журнале, был достаточно широк: Симона Вейль, Эдит Штейн, мать Мария, Тейяр де Шарден и др. Одним из авторов был также Василий Яновский. О журнале см.: [Яновский 1995].

¹¹ Неизвестно, о каком письме упоминает Яновский. Варшавский познакомился с писательницей Софией Юльевной Прегель (1897–1972) в Париже, куда она переехала в первой половине 1930-х гг. В период немецкой оккупации Прегель перебралась в Нью-Йорк, где вместе с М.Л. Слонимом основала журнал «Новоселье» (1942–1950). Как редактор журнала приняла самое активное участие в творческой судьбе Варшавского, опубликовав в «Новоселье» пять его рассказов, вошедших потом в повесть «Семь лет»: «Младший лейтенант Данилов» (1946. № 24/25. С. 23–35); «Прогулка в город (Рассказ военнопленного)» (1946. № 29/30. С. 11–32); «Команда» (1947. № 35/36. С. 3–31); «В крепости» (1949. № 39/41. С. 50–70); «Пролог» (1950. № 42/44. С. 110–138). О рассказе «Прогулка в город...» она писала Варшавскому: «Ваш рассказ получила в день отъезда. И уже здесь прочла его с огромным вниманием. Вы представить себе не можете, как Вы меня порадовали (если такая страшная, обнаженная правда может радовать, слово неподходящее)... Вы, пожалуй, единственный из зарубежных писателей, кот^{орым} до конца удаются советские люди — никакой фальши, никакого штампа, — несмотря на то, что рассказ длинноват, сокращать его не буду...» И в том же письме замечала: «“Младший лейтенант Данилов” имел настоящий успех. До сих пор есть отклики» (4 июля 1946). О рассказе «Команда» Прегель в письме к Варшавскому от 31 марта 1947 г. отзывалась так: «Вещь большой силы. Огромного напряжения. “Голод” описан лучше, чем у Гамсун» (ДРЗ. Ф. 54).

¹² В 1950 г. Г.В. Адамович начал преподавать в Англии, сперва в Оксфорде, остановившись на первое время по адресу: Wellington Hotel, 2, Wellington Square, Oxford, затем в Манчестере. Возвращаясь из Англии в Париж на каникулы, он с января 1950 г. по декабрь 1954 г. останавливался на квартире мадам Фруэн (53, rue de Ponthieu, Paris 8^e). Адрес Янов-

ский, судя по всему, получил и Адамовичу написал, впервые после нескольких лет перерыва. 21 ноября 1950 г. Адамович ему ответил, извиняясь, что «с большим опозданием» (именно с адреса 53, rue de Ponthieu), и, в частности, написал: «Насчет Варшавского Вы не правы. Хорошая книга. Я рад не без гордости его успеху. Я, кажется, один отстаивал его, когда все над ним смеялись» [Адамович 2000, с. 125].

2

А.М. Ремизов – В.С. Варшавскому

10 сентября 1950 г. Париж

10 IX 1950

Дорогой Владимир Сергеевич.

Спасибо. Двурогий¹ передал мне Вашу воинскую повесть. Чего не знаю, прочу с карандашом. Я не ошибки подчеркиваю. А где встречу не по-русски или жужж и жвачку и потом Вам все расскажу, когда пожелаете.

Тоже и о мыслях и об образах себе в науку.

A. Ремизов

«Окликающий голос» не обязательно к смерти. Гоголь слышал в детстве².

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54).

¹ Ремизов так называл литературного критика и мемуариста Александра Васильевича Бахраха (1902–1985), см. об этом: [Обатнина 2001, с. 337]. Бахрах положительно отзывался о военной прозе Варшавского. В рецензии на № 35–36 «Новоселья» (1947), где появился рассказ Варшавского «Командо», Бахрах писал: «В очередной тетрадке центральное место занимает отрывок из повести В. Варшавского, в которой, несмотря на тургеневский эпиграф “Прошу не принимать ‘я’ рассказчика сплошь за личное ‘я’ автора”, эти оба “я” слиты неразрывно. В беллетристической форме Варшавский рассказывает нам о днях своего пленя, о днях, когда все помыслы соединялись в нем с образами коробки консервов и кругами колбасы, точно перерождая его и видоизменяя его человеческую природу. <...> ...Читая его “Командо”, ощущаешь, почти с физической болью, что всё это так и было и <ни> на минуту не задумываясь над правдой его слов» [Бахрах 1947, с. 4].

² Сам Ремизов писал в книге «Сны и предсонье»: «Есть в “Старосветских помещиках” автобиографическое: полдневный окликающий голос. Этот голос услышал Афанасий Иваныч, вестник его смерти, слышит и Гоголь и в детстве и перед смертью, когда начнет свой подвиг: сожжет рукописи и откажется от еды» [Ремизов 1954, с. 15].

3

М.А. Алданов – В.С. Варшавскому

27 октября 1950 г. Ницца

27 октября 1950

Дорогой Владимир Сергеевич.

Очень прошу извинить, что только теперь пишу Вам о Вашей книге. Я прочел ее с чрезвычайным интересом, в два присеста, и всецело присоединяюсь к оценке, сделанной в «Н_овом р_{усском} слове» Г.В. Адамовичем¹. Все же, если позволите, сделаю серьезную оговорку. Я считаю и всегда считал неподходящим делом выводить под прозрачными или не-прозрачными псевдонимами живых или недавно умерших людей, даже в таких случаях, когда автор о них ничего дурного не говорит². Знаю, что есть знаменитые прецеденты и что некоторые писатели смотрят на это иначе. Но таково мое мнение. Спорить, конечно, не будем, тем более что книга уже напечатана. Повторяю, книга Ваша написана талантливо, и я желаю ей большого успеха. Надеюсь, что она продается хорошо в наших эмигрантских масштабах³.

Так Вы собираетесь в Америку⁴. Верно, Вам обещан тот или другой вид заработка. Я слышал, что туда уехала или уезжает Берберова⁵. Не знал, что уезжает Игорь Чиннов⁶. Понимаю, как тяжело покидать Париж. Трудно любить этот город больше, чем люблю его я.

Наши планы на ближайшее время еще не определились.

Татьяна Марковна⁷ и я шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Vаш М. Алданов

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись. В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ См. письмо 1, примеч. 1.

² См. об этом письмо 1, примеч. 6.

³ Марк Алданов принимал участие в развернутой Владимиром Варшавским кампании по сбору средств на издание повести «Семь лет», его подпись в поддержку издания также стоит на одном из коллективных писем рядом с подписями И.А. Бунина и В.А. Маклакова (ДРЗ. Ф. 54). Друзья Варшавского активно участвовали и в организации предварительной подписки на издание (см. об этом вступ. ст. к данной публикации, примеч. 12). 4 октября 1949 г. Г.В. Адамович писал М.А. Алданову: «У меня к Вам две просьбы. Не от себя лично, а от людей, которые просят меня “замолвить слово” за них перед Вами. Первый из этих людей — Влад_{имир} Сер_{гей} Варшавский, который стесняется сам Вам о своем деле написать. Он закончил свой роман и мечтает о его издании. Мария Самойл_{евна} Цетлина обещала просить Зайцева рекомендовать его в ИМКУ, но ничего не сделала. Да и надежды на успех мало. Он хочет собрать деньги по предварительной подписке и уже кое-что сделал в этом отношении во Франции. У него есть тут преданные ему друзья, которые

ему помогают. Деньги должны поступать не ему лично (во избежание неизбежных предположений, что он их растратит и ничего не издаст), а лицу, которое он укажет, — вероятно, М.Л. Кантору. Вон он и спрашивает, не могли ли бы ему как-либо помочь в Америке: указать лицо, к которому обратиться, написать кому-нибудь и т. д.? Или Вы считаете это дело для себя неприемлемым и вообще безнадежным? Я откровенно сказал В^{ладимиру} Серг^{ееви}чу, что не знаю, как Вы к его просьбе отнесетесь. Он пока просит *только совета*, и всякое Ваше указание будет ему очень ценно» [Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым 2011, с. 337]. О процессе подготовки повести «Семь лет» к публикации см. также: [Хазан 2010].

⁴ В.С. Варшавский прибыл в США 12 марта 1951 г.

⁵ Н.Н. Берберова прибыла в США в середине ноября 1950 г. См.: [Демидова 2007].

⁶ Скорее всего, И.В. Чиннов планировал уехать из Парижа уже в 1950 г., однако сделал это только в 1953 г. Сперва он перебрался в Мюнхен, где работал на радиостанции «Освобождение» («Радио Свобода»), а затем в 1962 г. переехал из Германии в США.

⁷ Татьяна Марковна Алданова (урожд. Зайцева; 1893–1968), жена М.А. Алданова.

4

Ю.П. Одарченко – В.С. Варшавскому

29 октября 1950 г. Ванн

Vannes le 29 octobre 50

Дорогой Владимир Сергеевич,

спасибо Вам за присланную книгу, которую передала мне Ваша сестра¹. Читаю я с большим трудом и очень медленно. Потому и пишу Вам только теперь. Но в том, что чтение мне дается нелегко, есть своя прелесть — я безошибочно угадываю с первых страниц — хороша ли книга или плоха. Не сочтите мое признание за бахвалство. Я болен, и болезнь моя это что-то вроде барометра. Я не могу прочесть одну главу плохой книги — дикая ярость обуревает мною. Если есть столь желаемая Вами потусторонняя жизнь, то наверное есть и ад. Я очень страшусь, что в аду черти обложат меня творчеством эмигрантских писателей и, под страхом пытки раскаленным железом, заставят меня читать. Недавно изуважения к моему приятелю З.² я решил прочесть хоть одну из его книг, и вот, читая, пришлось ковырять ногу ржавым гвоздем, чтобы не заснуть!

С большим удовольствием я прочел Вашу книгу «Семь лет». Не хватает очень малого в ней, чтобы назвать ее отличной книгой. Подход к Вашей книге: «...да, но до него было обо всем этом написано так много замечательного»... — неправильный. Во-первых, в Вашей книге написано много замечательного. А во-вторых, в таких боевых книгах, как «Капут» Малапартэ³, — сплошь брехня, тогда как у Вас — все правда. Но самое главное то, что Вы вовсе и не стремитесь чем-то поразить читателя, а рассказываете о внешних событиях в связи с Вашими личными переживаниями, которые и являются основой Вашей книги. Надежда Александровна Тэффи (не читая Вашей книги) возразила мне так: «ну а если переживания автора никому не интересны?» Для меня интерес и ценность

книги именно в Ваших личных переживаниях, в их несомненной искренности и духовной чистоте их.

Одна из лучших книг, прочитанных мною за последние десять лет, это «Этранжэ» Камю⁴. Чем-то Ваша книга напоминает мне Камю. На 233 странице у Вас сказано так: «Я надеялся, что бывшие по деревне снаряды меня не тронут: это было бы несправедливо, не по логике — ведь я только свидетель, а не участник происходящего». В сущности, эти слова приложимы ко всей Вашей книге. Духовно развитый человек уже не может быть участником происходящего вокруг него ужаса. Он может быть или пророком, или до времени «только свидетелем происходящего». Те места Вашей книги, где Вы пытаетесь сделать из себя участника, слабее тех страниц, где Вы всего лишь свидетель. Сёрен Киркегардт так начинает одну из своих книг: прошу оставить меня в покое, а когда начнется Ваше очередное безобразие, то прошу предупредить меня барабанным боем под окном — когда и в какое рекрутское бюро мне надо идти записываться⁵.

Совершенно ясно из Вашей книги, что Вы совершенно не осознаете, какую огромную работу Вам удалось проделать: написать большую серьезную книгу в эмиграции почти невозможно, да и вообще трудно. О, как трудно! Поздравляю Вас сердечно!

На слова Берберовой не обижайтесь⁶. Критику ее всерьез принимать нельзя⁷. В ее книгах есть такие перлы: «она вошла в комнату — на диване лежал труп, с которым она провела все свое детство», или: «он нажал на акселератор и машина резко застопорила». Посудите сами — разве такое вяжется с поучительным тоном ее глупых рецензий?

Г. Иванова можно не любить, но нельзя отрицать в нем чуткого критика. Он написал о Вашей книге похвальную статью⁸.

Перечел письмо. Не очень ясно, почему я заговорил о Камю. Отрешенность от жизни — это острый вопрос для всего поколения XX века... Но это обширная тема, о которой можно много сказать. Вот у Адамовича, несмотря на все его интеллигентское развитие, этой отрешенности нет. Предложите ему прочесть лекцию на эту тему! Если вздумается — зайдите как-нибудь вечерком, я всегда дома.

Да хранит Вас Господь милосердный.

Юрий Одарченко

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись с дописками от руки простым карандашом (место, дата, последний абзац на правом поле письма). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Наталья Сергеевна Варшавская (в браке Фиалковская; 1903–1990), сестра В.С. Варшавского, в свою очередь, очень высоко оценила «Семь лет». В недатированном письме к брату и матери Ольге Петровне Норовой она заметила, что повесть — «эссеция, похожая на исповедь человека, который знал и почти перешел черту жизни и смерти». «Из всего, что я читала о войне, — продолжала она, — это можно сопоставить предсмертному письму Дикого, где только обнаженная душа человека уже перед смертью. Володя не выду-

мывает, как бы чувствовали другие, страх смерти и т. д. (это мог бы написать только гений Толстой), а он взял себя — простого человека и описал беспощадно себя и свои чувства, и поэтому книга производит потрясающее впечатление правдивости и вот почему она сейчас же заставляет думать о Толстом» (ДРЗ. Ф. 54)

² Возможно, имеется в виду Л.Ф. Зуров.

³ Книги «Капут» (1944) и «Шкура» (1949) итальянского писателя и журналиста Курцио Малапарте (Malaparte, настоящее имя и фам. Курт Эрих Зуккерт (Suckert); 1898–1957) описывают военные действия на Восточном фронте, куда писатель отправился в качестве корреспондента газеты «Корriere делла Сера» («Corriere della Sera»).

⁴ От «L'Étranger» — «Посторонний» (*фр.*), название повести французского писателя Альбера Камю (1913–1960), вышедшей в 1942 г. в парижском издательстве «Галлимар» («Gallimard»). На русском впервые вышла в переводе Г.В. Адамовича: Камю А. Незнакомец (L'Étranger) / пер. Георгия Адамовича. Paris: Editions Victor, <1966>.

⁵ Не удалось установить источник цитаты.

⁶ Одарченко имеет в виду разгромную рецензию Нины Берберовой «“Семь лет” В. Варшавского» (см.: [Берберова 1950]), содержащую немало оскорбительных для Варшавского пассажей — от пренебрежительной оценки его творческой биографии («Судьба писателя В. Варшавского довольно безрадостна: до войны он не успел выпустить ни одной книги и печатал случайные отрывки каких-то незаконченных вещей: пишет он уже лет двадцать, или больше, книга его “Семь лет”, наконец вышедшая, к сожалению, опоздала, и в 1950 г. представляет мало интереса...») до откровенных инсинуаций («Насмешка и враждебность Варшавского к стране, где он прожил большую часть жизни, необъяснимы. Даже по отношению к немцам он находит какие-то снисходительные слова, только не по отношению к французам!»).

⁷ О критике Н.Н. Берберовой В.Ф. Марков писал Г.П. Струве 22 января 1959 г.: «Я не ожидал такого от Берберовой. Мало того, что она ничего не поняла в статье, весь этот ответ — на столь низком уровне, что я даже призадумался — да была ли она замужем за Ходасевичем, да жила ли она в Париже? Я понимаю, что оба эти факта еще ничего прибавляют к человеку, но ведь она писательница: откуда этот уровень доярки, обсуждающей стихи Ахматовой на последнем комсомольском собрании» (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). Двумя годами позже В.Ф. Марков вновь вернулся к этой теме, написав Г.П. Струве 1 июля 1961 г.: «Статья Берберовой о поэзии, что с ней стряслось? Я давно такого ужаса не читал: плохо переваренная эрудиция человека, недавно познакомившегося с поэтами и критикой англосаксонской литературы 20-го в.; безвкусная “ученость” во что бы то ни стало со смехотворными результатами. Много ошибок, ляпсусов, непоследовательностей. И все это нахватанное подается с самомнением чуть ли не реформатора литературы. Я ее всегда считал женщиной во всяком случае неглупой, а тут статья не только неумная, но и нечестная (в том смысле, что она сознательно “вкручивает” читателю, в чем до конца и сама-то не уверена, видимо). Вещи известные подаются как открытие. В ее длинном разборе “Незнакомки” Блока есть 3–4 интересных наблюдения, но остальное пестрит сомнительными вещами. Язык временами просто ужасен. Каталоги имен — смехотворны (и полны орфографических ляпсусов). В общем — статья почти шарлатанская, и Карпович такого не напечатал бы» (Там же). И на этот раз Г.П. Струве согласился, ответив В.Ф. Маркову 7 июля 1961 г.: «Да, статья Берберовой произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой” (м. б., из лекций Веллека или бесед с ним — он ведь возглавляет там Отдел сравнительной литературы и славянских литератур), а отчасти и с современной англосаксонской поэзией, и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями (может быть, не без мысли эпатировать их)» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

⁸ Такой статьи Г.В. Иванов не опубликовал.

Н.Н. Оболенский – В.С. Варшавскому

12 октября 1950 г. Париж

12-X-50

Дорогой Владимир Сергеевич!

Я по совести не мог Вам писать, не прочтя Вашей книги, а обстоятельства сложились так, что до последнего времени прочесть ее я не мог.

Прочтя, пишу Вам. Во-первых, сердечное спасибо за внимание и подарок тем более ценный, что я не сумел быть Вам полезным и найти подписчика (не говорю подписчиков).

Читал я книгу *с волнением*. Вы честно и просто рассказали о переживаниях своих, без «авантажных поз», без желания выдать себя за героя. Скромно идержанно написанные страницы вызвали во мне воспоминания «моей войны», заставили меня пережить их с новой силой¹. Значит, написаны они не только честно и правдиво, но и талантливо. Талантливо, потому что атмосфера всей нашей войны передана такой, какой она была в действительности, с убедительностью такой, что кажется, сам был в овраге, лежал под обстрелом на поле, отсиживался в крепости. Думаю, что никто из наших соратников русских эмигрантов, добровольно пошедших защищать Францию, считая, что это наш прямой долг благодарности и чести, от Вашей книги не отречется.

Я с Вами сравнительно близко знаком, чему искренне радуюсь. Работа в Amicale Русских эмигрантов участников Войны в рядах Французской армии² дала мне возможность ознакомиться с Вашим боевым досье. Оно сделало бы честь любому из нас. Ваша Croix de guerre³ лучшее свидетельство доблести боевой и честной и верной службы стране, которую мы защищали и за которую если не сложили головы, то не по нашей, а по Божьей Воле.

Мне, следовательно, были понятны Ваши переживания и желание подвига. Более интересно мнение одного Писателя⁴, я нарочно пишу с большой буквы, т. к. отношусь к нему с глубоким уважением и как к писателю, и как к человеку, Писателя, мало или совсем Вас не знающего, с которым мы говорили о Вашей книге. Вот приблизительно его слова: «За этими строками вырисовывается фигура автора,зывающая к себе расположение как своей душевной настроенностю, так и своим желанием подвига и доблести».

Мне хотелось бы загладить свою вину перед Вами и распространить книгу среди некоторых из моих знакомых. Если у Вас есть авторские экземпляры и Вы можете мне дать 2–3 месяца срока, я, конечно, помещу 5–6 экземпляров к таким лицам, которые их в магазине не купят.

Крепко и дружески жму Вашу руку.

Искренне Ваш Н. Оболенский

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Оболенский Николай Николаевич, князь (1905–1993) — поэт, генеалог, кавалер ордена Почетного легиона (1965). Окончил Специальную военную школу в Сен-Сир и Свободную школу политических наук. Во время Второй мировой войны, не будучи французским гражданином, поступил добровольцем в армию, был лейтенантом 21-го моршевого полка Иностранного легиона. О нем Варшавский так писал в книге «Незамеченное поколение» (1956): «Молодой эмигрантский поэт Н.Н. Оболенский служил во время войны офицером в одном из моршевых полков Иностранных добровольцев, был тяжело ранен и за боевые заслуги награжден военным крестом.

И вот несут, глаза в тумане
И в липкой глине сапоги,
А в левом боковом кармане
Страницы Тютчева в крови.

Эти автобиографические стихи Оболенского рисуют очень русский “тургеневский” образ молодого эмигрантского человека, отправляющегося на войну за свободу с томиком Тютчева в кармане» [Варшавский 2010, с. 262–263].

² Об участии русских эмигрантов в Ассоциации резервистов французской армии (Amicale des réservistes de l’Armée française) см.: Русские, павшие смертью храбрых в рядах Французской армии <Текст> / Amicale des réservistes de l’Armée française. Paris: <s. n.>, <19->; [Алексинский 1947]; см. также URL: Amicale des Anciens de la 1ère Division Française Libre: <http://1df1.jimdo.com/>

³ Croix de Guerre — военный крест за боевые заслуги, французская военная награда. За проявленное во время Второй мировой войны мужество Владимир Варшавский распоряжением военного министра Франции Поля Косте-Флоре от 8 января 1947 г. был награжден Военным крестом с серебряной звездой (Croix de Guerre avec Etoile d’Argent). См.: Citation. Ordre № 1972/C. Le Ministre de la guerre, Paul Coste-Floret (ДРЗ. Ф. 54).

⁴ Имя не удалось установить.

6

Е.Д. Кускова — В.С. Варшавскому

24 октября 1950 г. Женева

Génève, le 24/X 1950

Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич!

Только вчера позавидовала Борису Аркадьевичу Членову¹, кото́рый с увлечением читает Вашу книгу. Обещал дать, когда прочтет. Но милый старичок наш читает медленно и надо долго ждать. А сегодня утром получила подарок прямо от Вас. Примите мою душевную благодарность и за книгу, и за память. Желаю Вам «следующих томов», — теперь так мало пишущих!

Как только прочту ее, напишу Вам, а быть может, и в Новое русское слово. Сегодня же прочла о книге рецензию Адамовича (в Новом русском слове)². Оговариваюсь, что книги еще не читала, но рецензия показалась мне

сухой и вялой. Это, может быть, происходит от его собственного настроения: тра-
вят этого человека... Он еще к этому не привык³.

Много лет мы жили в Праге с Вашим отцом⁴. Недружно жили. Очень мы
разные, и вовсе не по политическим убеждениям. Иногда ссорились даже очень
остро. А вот сейчас с большой радостью послала бы ему приветы. О нем как-
то не удавалось что-нибудь услышать. По Вашим сведениям он работал при
универ~~ситетской~~ библиотеке⁵. Вряд ли это возможно: к таким публичным уч-
реждениям б~~ольшеви~~ки на выстрел непускают сосланных. Даже П.Н. Савиц-
кий долгое время работал на лесоповалах в Тамб~~овской~~ губ~~ернии~~⁶. И только
недавно вместе с И.П. Нестеровым⁷ и Николаевым⁸ допущен к агрономическим
работам при колхозах на Волге. От одного чешского коммуниста слышала, что
А~~льфред~~ Люд~~вигович~~ Бем расстрелян в Пражской тюрьме через час же после
ареста и в Россию не был отправлен⁹. Его семье я недавно отправила посылки, как
и семье П.Н. Савицкого (от Литер~~атурного~~ фонда). Получила от них ответ: все
дошло быстро. Плохо С.П. Постникову¹⁰. Он томится на севере около Архангель-
ска и зимой очень страдал от холода. Попытки через русское посольство в Праге
отправить ему теплую одежду ни к чему не привели.

Как живете? Над чем-нибудь работаете? Очень хорошо, что удалось выпу-
стить книгу, теперь русским писателям печататься почти нет возможности.

С приветом и лучшими пожеланиями

Ек. Прокопович (Кускова)

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). В верхнем левом углу письма помета
зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Членов Борис Аркадьевич (1864–1952) — врач-терапевт, общественный деятель, ос-
нователь и руководитель санаториев в Швейцарии.

² См. письмо 1, примеч. 1.

³ В 1945–1949 гг. Адамович сотрудничал в газете «Русские новости», которая основы-
валась как продолжение милюковских «Последних новостей», однако на фоне массового
послевоенного «покраснения» эмиграции придерживалась линии на «стирание граней»,
причем с годами просоветская ориентация газеты проявлялась все больше. В конце 1949 г.
вместе с А. Бахрахом, В. Татариновым и др. Адамович прекратил сотрудничество в «Рус-
ских новостях» и начал печататься в «Новом русском слове», что в эмиграции некоторыми
было воспринято как своеобразная «смена вех». Впрочем, очень сильно это раздувать не
стали, и «травля» ограничилась несколькими статьями и кулачными разговорами, кото-
рые вскоре затихли, т. к. Адамович в 1950 г. уехал в Англию преподавать в университете.

⁴ Кускова Екатерина Дмитриевна (в зам. Прокопович; 1896–1958), видный политиче-
ский и общественный деятель; после высылки из России в 1922 г. сначала поселилась в
Берлине, затем в 1924 г. переехала в Прагу, где играла видную роль в политической жиз-
ни русской эмиграции. В 1939 г. после немецкой оккупации Чехословакии перебралась
в Женеву. Варшавский Сергей Иванович (1879–1945?), отец В. Варшавского, переехал
из Константинополя в Прагу в начале апреля 1923 г. В Праге он преподавал на Русском
юридическом факультете (читал лекции по уголовному процессу), в Русском народном
(свободном) университете. С.И. Варшавский также был членом Союза русских писателей
и журналистов в Чехословакии (в 1924–1928 — товарищ председателя, в 1934–1940 —

председатель Союза), входил в состав Комитета русской книги, сотрудничал с различными газетами и журналами, как русскими, так и чешскими, например, газетами «Народни листы», «Народни политика», «Венков», с парижскими газетами «Россия и славянство» и «Возрождение», варшавскими «За свободу!» и «Меч». В военные годы — автор анти советских аналитических исследований и лекций, тиражированных Российской национал социалистическим движением (РНСД); его библиографию военных лет см.: [Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace 1996]. В досье от 14 июня 1939 г. из полицейского дела С.И. Варшавского, хранящегося в Национальном архиве ЧР, значится, что он «по информации STB <Службы государственной безопасности> имеет четыре документа как участник фашистских мероприятий в качестве иностранного корреспондента и репортера. <...> Является Российской фашистом (националистом). <...> Является постоянным корреспондентом Русской фашистской газеты в Берлине “Новое слово”, цель которой анти коммунистическая пропаганда и объединение всей русской эмиграции для укрепления связей с Германией» (Národní archiv. F. Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1921–1930. K. 12105. Sign. V 1115/2; пер. с чеш. М. Васильевой). Эта информация диссонирует с описанием антифашистской деятельности С.И. Варшавского в повести «Семь лет»: «От чешских коммунистов я получил свидетельство, что отец помогал им в их подпольной борьбе против немцев» [Варшавский 1950, с. 297]. В мае 1945 г., после вступления в Прагу Красной армии, С.И. Варшавский был арестован советскими органами и, скорее всего, депортирован в СССР.

⁵ Те же сведения Варшавский приводит в повести «Семь лет» и в романе «Ожидание». «От знакомых, бежавших из Праги, — пишет он в повести, — я узнал, что НКВД арестовал моего отца. В числе многих других пражских эмигрантов, его увезли в Россию. Об узвенных доносили слухи, кто-то из них написал письмо. Отец будто бы работал при университетской библиотеке» [Там же]. Николай Александрович Цуриков (1886–1957) в письме к В.С. Варшавскому от 10 сентября 1955 г. даст новые сведения о судьбе его отца: «В августовском № (кажется 38-й) журнала “Свобода” (ЦОПЭ) есть интервью с г. Безсоновым, возвращенным большевиками заграницу. Узнав, что он был взят в Праге (в 1945 году), я встретился с ним, и он мне сказал между прочим: “С.И. Варшавский умер в Караганде”. Каковы бы ни были его взгляды и его политическая информация, я склонен относиться к его сведениям с доверием, так как из совершенно другого источника получил о некоторых пражанах тождественные сведения <...>. Сер^{гей} Ив^{анович} должен был уехать вместе с группой пражан, с которой выехал я из Праги (18 апреля 1945 года). Но колебался, поверив в возможную защиту какого-то представителя, кажется, Международного Красного Креста, и был взят после прихода большевиков» (ДРЗ. Ф. 54). Это письмо в несколько видоизмененном виде Варшавский привел потом в романе «Ожидание» (см.: [Варшавский 1972, с. 164]). В Центральном архиве ФСБ России документов, относящихся к С.И. Варшавскому, не обнаружено. О нем см. также: [Васильева 2012].

⁶ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), экономист, географ, социолог, один из основателей и лидеров евразийства. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Софию, в конце 1921 г. — в Чехословакию. В Праге стал приват-доцентом Русского юридического факультета, преподавал в Русском народном университете и других высших учебных заведениях. В 1927 г. тайно посещал СССР, доверившись организаторам легендированной операции «Трест». Во время Второй мировой войны занимал активную антинацистскую позицию, за что был арестован гестапо. После освобождения Праги в 1945 г. был арестован советскими органами и, получив 8 лет лагерей за контрреволюционную деятельность, отбывал наказание в Дубровлаге (Мордовия), затем был переведен в Подмосковье. В 1956 г., после реабилитации, вернулся в Прагу.

⁷ Нестеров Иван Петрович (1887–1960), общественно-политический деятель, эсер, в 1917 г. гласный Минской городской думы, делегат II Всероссийского съезда Советов РСД.

Участник заседания Учредительного собрания. В 1918 г. один из организаторов Комуча. В конце декабря 1919 — начале января 1920 г. как один из руководителей вооруженных сил эсеров участвовал в свержении власти Колчака в Иркутске. Эмигрировал в Чехословакию, в эмиграции — один из организаторов Русского заграничного исторического архива в Праге. В 1945 г. депортирован в СССР. В 1956 г. освобожден из заключения и вернулся в Чехословакию. См. о нем: [Серапионова 1995, с. 69, 110, 133; Протасов 2008, с. 351–352].

⁸ Николаев Семен Николаевич (1880–1976), общественно-политический деятель, эсер. В 1909 г. выслан в Енисейскую губернию. В 1918 г. — заведующий чувашским подотделом губкомпроса; секретарь Комитета Комуча; был арестован колчаковцами в Уфе. Затем — судебный чиновник во Владивостоке, член УС ДВР. С 1922 г. жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. В 1945 г. депортирован в СССР. С 1946 г. находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957 г., вернулся в Чехословакию. О нем см.: [Протасов 2008, с. 351–352].

⁹ Бем Альфред Людвигович (Алексей Федорович; 1886–1945?), историк литературы, литературный критик, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции, в 1922 г. обосновался в Праге. Секретарь Русского педагогического бюро, редактор его бюллетеней. Организатор и руководитель Семинария по изучению Достоевского (1925–1933), литературного объединения «Скит поэтов» (1922–1939). Преподавал русский язык в Карловом университете (1922–1939), а также был преподавателем в ряде других университетов Праги. Один из лидеров Крестьянской партии. В 1932 г. защитил докторскую диссертацию в Немецком университете. В последние месяцы оккупации работал библиотекарем в Фонде Гейдриха. После прихода в Прагу Красной армии был арестован 16 мая 1945 г. Точная дата и обстоятельства смерти не уточнены и обросли версиями, одну из которых выдвигает Е.Д. Кускова. По другим версиям, после ареста Бем покончил с собой или умер по дороге в Россию или в одном из советских лагерей. О последних разысканиях по этой теме см.: [Нечаев 2008].

¹⁰ Постников Сергей Порфириевич (1883–1965), общественно-политический деятель, эсер. В 1913 г. входил в Петербургский совет РД. С 1914 г. работал в Союзе городов. В 1917 г. гласный Петроградской думы; секретарь редакции «Дела народа»; делегат III съезда ПСР; участник заседания Учредительного собрания. В мае 1918 — делегат VIII Совета ПСР. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине, Праге. Один из основателей Русского заграничного исторического архива, составитель «Библиографии русской революции и гражданской войны» (1938). В 1945 г. депортирован из Чехословакии в СССР, сослан на 5 лет в Североуральск. В 1957 г. вернулся в Чехословакию. О нем см.: [Протасов 2008, с. 366].

Л.Д. Червинская — В.С. Варшавскому

29 ноября 1950 г. Париж

Paris, le 29. 11

Дорогой Варшавский.

Я совсем недавно прочла Вашу книгу и хотела Вам сказать все, что о ней думаю. Не потому, что считаю, что Вам это интересно (я хорошо знаю, что Вы <с> моим мнением мало считаетесь, особенно теперь, но исключительно потому, что я, как это иногда бывает (редко), была потрясена этой книгой и мне хочется (мне нужно) с кем-нибудь поделиться. Будь у нас пресса, я бы постаралась написать

статью. Жалею, что не была на вечере, где обсуждали эту книгу¹, — но это вышло по причинам, от меня не зависящим.

Passons².

Я начала читать книгу Вашу, как обычно читают книгу знакомого, с предубеждением. Кроме того, мне казалось, что столько ужасного было написано по-французски за эти годы на эту тему, что ничего нового и свежего уже не скажешь, особенно на нашем утомленном русском языке (эмигрантском).

Оказалось, во-первых, что книга *прекрасно* написана, с тактом, благодаря которому французская обстановка (диалоги и т. д.) не звучит переводом, а органически передается на русский язык. Это книга писателя, а не просто мысли честного человека или опыт рассказанный. Очень хороши описания, земля, небо, танки³, обои⁴ — все приобретает индивидуальность и острую реальность находки, которой всегда радуешься. Хороши также люди — как-то по-толстовски описаны они — без усилия, без навязанных читателю выводов. Несмотря на то (или, точнее, благодаря тому) что автор исходит из себя, «занят» собой, все вокруг него залито ласковым светом — любовью к жизни, — все: и пушки, и светлоглазый мальчик-пастух, и немцы, и Данилов, и даже лошадь на площади перед крепостью. Кто это (кажется, Женя?) упрекал Вас в отсутствии любви⁵? Какая ересь. Ведь это-то и есть любовь. Ведь все «объекты» любви — случайные и подставные по сравнению с этим чувством.

Кто-то еще говорил о *наивности* некоторых мыслей. Я думаю, что если бы каждый из нас имел мужество и скромность проявить ту же наивность в отношении таких слов (понятий), как «демократ», например, то, может быть, стало бы легче, чище жить. Если бы все научились молиться, как Гуськов, когда ему хочется есть, то, может быть... ну эта тема заведет меня слишком далеко. Хотя кажется, это или что-то близко к этому и есть главная тема книги. Мне лично очень близки некоторые страницы по опыту (как Гуськов «перестал бояться»), и я читала их с тем счастьем и какой-то дрожью, как бывает, когда узнаешь свое важное и простое в ком-нибудь. Мне слишком близок климат книги, ее внутренняя сущность, чтобы судить о ней, но все же мне хочется сказать Вам, что для меня они прекрасны и что это единственный воздух, в котором можно жить — и писать.

Гуськов в моем ощущении — Пьер Безухов в Москве, в плenу. (Мне всегда казалось, что в этом весь Толстой.) Но это скобки. Вернемся к книге. Та часть, в которой описана встреча с русской армией, одна из лучших картин, одно из самых убедительных свидетельств нашего времени, без тяжеловесных выводов, без горечи или злорадства. Удивление Гуськова, непосредственность всех его ощущений и реакций, горе, которое чувствуется за этими открытиями, и эта по-детски правдивая какая-то молодая фраза об английском офицере («впервые за пять лет я вижу свободного человека»⁶) перевешивает все броширы и личные свидетельства, наводнившие печать за эти годы. Какая все же дура Берберова!¹⁷

Книга голого человека на опустошенной земле⁸ (очень хорош Ваш Париж после войны) — но прочитав ее, хочется жить, писать, любить, верить. За такую книгу хочется сказать: спасибо. Между прочим, ее и легко и интересно читать, это и есть настоящая литература, а не так называемый «человеческий документ», к которому всегда некоторое недоумение: «какое мне дело?».

Еще раз, эта книга писателя, а не нашего друга Пети. Кстати, Гуськов вовсе не Варшавский, он оторвался от него и живет своей, убедительной, какой-то круглой и упругой, как мячик, жизнью.

Если Вы всю жизнь жили только для того, чтобы написать эту книгу, то все же стоило. Не знаю, пришло ли то счастье, которое ищет Гуськов в другой форме, но поиски этого счастья (собственно *правда*) создало писателя и *так должно быть*. Так *хорошо*.

Когда-то, очень давно, мы говорили с Вами о трудности писания, «хочется все вложить», говорили Вы. Я и тогда думала, что любая книга должна быть «вложение в опыт», в эпизод (а не наоборот: опыт-эпизод в книгу, что плохая литература). Когда я прочла Вашу книгу, я подумала: вот он, кусок жизни, который «ограничил» Варшавского и сделал из него автора *литературного* произведения, а не *дневника*. Думая дальше в этом направлении, я сделала для себя открытие: не всем дается такой опыт. Иначе любой человек, проживший жизнь, полную приключений, мог бы написать книгу. Подобный опыт (как Ваш в войне, в плenу, несмотря на то, что это похоже на 1000 других и в целом случайных, как всякое внешнее событие) дается как завершение, как награда, как плод. Понадобились все годы глухие и бессильные — до Войны, все напряжение, внутренняя творческая работа, чтобы *так* увидеть, *так* пережить то, что пережил Гуськов. Настоящий писатель *создает жизнь в себе и вокруг себя* и потом легко и скромно повествует о ней. Это и есть литература. И в этом Ваша удача.

Чувствую, что нужно кончать. Я искренне жалею о том, что это письмо написано именно мной. Я знаю, что Вы всегда относились ко мне с *недоверием* (и это всегда былоально именно от Вас)⁹. И все же я не могу не поделиться с Вами той радостью, которую мне принесла Ваша книга. Для убедительности прибавлю, что мне пришлось многое пережить со времени Монпарнаса и что поэтому я все же немного «судья».

Пишу Вам накануне (*может быть*) третьей мировой войны. Хочу Вам пожелать — *что бы ни случилось на свете*, сохраните то, чем жив Гуськов (хотя мы и знаем, что это все «то же дождливое, серое небо»¹⁰).

Кстати, о последних страницах — у меня есть две-три оговорки — формальные — при случае и если Вам интересно, я Вам скажу, в чем они заключаются, но сегодня не в этом дело.

Простите за это письмо, которое (мне вдруг показалось) может вызвать смущение, я не могу его не послать.

Те несколько дней, когда я читала книгу (семь дней, а не семь лет, какое все же несоответствие!), мне было значительно легче жить. Спасибо.

Ваша Лидия Червинская.

Нужно б эту книгу перевести и издать на французском языке. Я бы хотела, чтобы Вы мне послали все, что было написано и напечатано о книге. Статью Н<ины> Б<ерберовой> и Адамовича¹¹ я прочла «до», хотела бы перечесть. Мой адрес: 14 rue de Vaugirard. Пополните — я Вам верну.

Лида

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). На конверте: обратный адрес: L. Tchervinsky. 14, rue de Vaugirard (Paris 6^e); почтовый штемпель: Paris 25. Rue Danton. 29.XI.1950.

¹ В издании «Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция» (М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2000–2002) упоминаний об этом вечере нет.

² Мимо (*фр.*).

³ Речь, скорее всего, идет о следующем пассаже: «...огромный, выше домов, немецкий танк стоит около памятника мертвым. Так вот какие они вблизи. Я с любопытством рассматривал его. Странно раскрашенный зеленым, коричневым и желтым, он стоял, как ископаемое железное чудовище, злобно и насмешливо смотря на нас узкими щелями, прорезанными в орудийной башне» [Варшавский 1950, с. 107].

⁴ Речь идет о следующем пассаже: «Я зажег свет. Выступая из сумрака, стены утверждались в своей каменной несдвигаемости. Закурив папиросу, я с удивлением рассматривал серо-розовые с лиловыми полосами обои; столько лет живу здесь и не помнил, какого они цвета» [Там же, с. 19].

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Неточная цитата. В повести: «Когда русские переводили нас через Эльбу и я увидел на том берегу англичан, я вдруг подумал, что это в первый раз за пять лет я вижу свободных людей» [Варшавский 1950, с. 287–288].

⁷ Имеется в виду рецензия Н. Берберовой на «Семь лет» [Берберова 1950]. Подробнее об этом см. письмо 4, примеч. 7.

⁸ Выражение «Голый человек на голой земле» употребляется нередко, в России особенно часто со времен «Саввы» (1906) Леонида Андреева, а восходит к Античности (Плиний Старший. Естественная история. VII. 77). В эмиграции тоже многими употреблялось, в частности, Адамовичем в «Комментариях» [Адамович 1939, с. 265]. Сам Варшавский прибегает к этому образу неоднократно в своих программных статьях, посвященных архетипу нового социального явления — эмигрантского молодого человека: «...это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”», — пишет он, в статье «О “герое” эмигрантской молодой литературы» [Варшавский 1932, с. 164], отсылая к строкам шекспировского «Короля Лира» (в переводе А.В. Дружинина). «Да, эмигрант не стал, конечно, “голым человеком на голой земле”, но его одиночество больше обычного одиночества иностранца в чужом человеческом муравейнике», — заметит он в статье «О прозе “младших” эмигрантских писателей» [Варшавский 1936, с. 410].

⁹ Видимо, Червинская намекает на неблаговидную историю в ее биографии — арест французскими властями из-за пособничества немцам во время Второй мировой войны. По заданию Резистанса Червинская сблизилась с агентом гестапо Шарлем Ледерманом, однако раскрыла себя, что стало причиной ареста нескольких участников французского антифашистского подполья. Подробнее об этом см.: [Хазан 2000, с. 332].

¹⁰ Скорее всего, Червинская имеет в виду следующий пассаж: «В неподвижном свете дня все оставалось по-прежнему: отвесная черта угла мертвецкой, столбы с колючей проволокой, а за ними какое-то непонятное отсутствие дали, песок, немножко травы, и сразу за краем дороги — дождливое серое небо. Но эта черная карета и санитары, казалось, находились в глубине какого-то особенного, ярче освещенного пространства, прорубленного в бледности всего этого. Будто там открылась какая-то потаенная комната, отдаленная от нас невидимой стеной. Что-то невыразимо грустное и страшное происходило в этой комнате, и мы знали, что это была правда существования, о которой лучше бы не думать, но от которой некуда уйти» [Варшавский 1950, с. 193]. Отчасти этот пассаж отсылает к

описанию неба Аустерлица в «Войне и мире» Л. Толстого («И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба. «Как же я не видал прежде этого высокого неба? — подумал князь Андрей. — Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения»»).

¹¹ См. письмо 1, примеч. 1.

8

М.Л. Слоним — В.С. Варшавскому

26 декабря 1950 г. Нью-Йорк

Décembre 26, 1950

Дорогой Владимир Сергеевич,

я так давно не отвечал, потому что хотел сперва прочесть Вашу книгу — а это не легко было сделать из-за очень тяжелой «нагрузки»¹.

Теперь я могу честно сказать, что прочел от доски до доски. Вот мое искреннее мнение — для Вас: книгу я читал с волнением и интересом. Считаю, что ряд глав и сцен написаны прекрасно — и с человеческой, и с литературной точки зрения. В ней есть какая-то правда — и это самое важное. Есть и передача внутренней драмы — в начале. Имеются и блестящие страницы чисто романического показа — плен и освобождение.

Вопросы, которые возникают у критика, связаны с формой «повести», как Вы ее назвали. Тут, на мой взгляд, не все обстоит благополучно. В книге идут, развиваются разные темы — и того единства, которое в таких случаях желательно, не ощущается. Материал (война и плен) не только определяют судьбу героя, но и влияют на композицию произведения. Темы, резко поставленные в первой части (внутреннее, разлад и так далее), затем потеряны, заслонены бытовыми описаниями. Сперва — герой «я», и все вокруг него, а затем герой — только «око», глаз, фотографический аппарат.

Вы скажете, что так оно и было в действительности. Но в книге — как произведении искусства — есть два разных плана, и они не слиты. Можно даже сказать, что это не одна, а две книги! Может быть, так и надо было сделать. Впрочем, тут есть обычная трудность романов, построенных на автобиографии.

Любопытно, что это отсутствие единства сказывается и на стиле: в первой части он чрезмерно «олитературен» — хотя есть очень хорошие и сильные места. Тенденция — «сюрреалистическая». А потом вдруг вся поэтическая игра отброшена, и повествование о плене ведется в «экспрессивном» и реалистическом тоне (я считаю, что он Вам лучше удался). Я знаю, что несколько замечаний далеко не исчерпывают ни того, что я хотел бы сказать, — ни того, что Вам интересно было бы услышать. Но я считаю, что выразил мое основное отношение к книге, которую я расцениваю как Вашу самую крупную литературную удачу. Что Вы сейчас пишете?

Надеюсь събраться летом в Европу — и тогда увидимся — если позволят события. А может быть, придет новая война и новый плен.

Желаю Вам всяческих благ к наступающему году — здоровья, бодрости, веры в себя, которой Вам недостает, — и благополучия материального и душевного.

Искренне Вас любящий

дружески и сердечно

Vash M. Slonim

Шлет Вам привет Рейзини, которому Ваша книга очень понравилась². Денег за 2 экз<емпляра> я послал Р.С. Чеквер³.

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). На конверте обратный адрес: M. Slonim. 35 Parkview Avenue. Bronxville. NY; почтовый штемпель: Bronxville. NY. Dec. 29. 1950. В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ С 1941 г. М.Л. Слоним жил в США и преподавал русскую литературу в американских университетах.

² Рейзини Николай (наст. имя и фам. Рейзин Наум Георгиевич; 1902 (1905)–1979?), общественный деятель, предприниматель. Активно участвовал в культурной жизни межвоенного русского Парижа, был членом литературного объединения «Кочевье», принимал участие в собраниях «Зеленой лампы», стал одним из инициаторов создания журнала «Числа» и т. д. Во время гражданской войны в Испании «поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах»; во время Второй мировой войны «сотрудничал с японцами и числился в черных списках США» (Авантюрист Николай Рейзен // Русские новости. 1946. № 81). С. 2). Выдвинутые в его адрес обвинения в различных финансовых махинациях вынудили Рейзини в 1946 г. покинуть Европу и обосноваться в США. Встречу с Николаем Рейзини в Нью-Йорке Варшавский описал в рассказе «Отрывок», где Рейзини представлен в образе Владимира Рагдаева (Опыты. 1954. № 3. С. 56–69). Рассказ вместе с повестью «Семь лет» потом вошел в роман «Ожидание» (1972).

³ Чеквер Раиль Самойловна (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957), автор сборников «Земной плен» (Нью-Йорк, 1944), «Дальний путь» (Нью-Йорк, 1946), «Лазурное око» (Париж, 1950), инициатор и один из редакторов антологии «Эстафета» (Париж, 1948), основатель в 1950 г. парижского издательства «Рифма». Друг и постоянный корреспондент Владимира Варшавского, Чеквер принимала деятельное участие в его судьбе, а также в издании повести «Семь лет» (организация финансирования издания по предварительной подписке), а также в выезде Варшавского в США, к которому тот стал готовиться уже в 1948 г. Во всяком случае, в запросе на получение американской визы (черновой вариант) от 8 июня 1948 г. (ДРЗ. Ф. 54), как и в ряде других документов по оформлению отъезда, Варшавский указал мужа Ирины Яссен — Льва Иосифовича Чеквера как своего поручителя и родственника (кузена), что в немалой степени помогло получить разрешение на выезд.

Е.Н. Федотова – В.С. Варшавскому

Декабрь 1950 г. Нью-Йорк

Дорогой Володя!

Еще раз перечитываю Вашу книгу. Давала ее и многим, и все восхищались (Нина¹ и Г.П.² в том числе).

Володя, когда же Вы будете здесь? Слышала, что у Вас есть какие-то задержки с визой. В чем дело? Кто о Вас хлопочет? Не мог ли бы Г.П. чем-нибудь Вам помочь? Ведь рекомендация человека, связанного с церковью, тут много значит. Он для Вас сделает все что может³.

Живу тут ужасно, в смертельной тоске по Парижу и в ужасе за его судьбу. С работой тут трудно и я живу в жалкой нищете, какой давно не знала. Ну Вы-то молоды, Вы устроитесь, приезжайте поскорее. Если бы Вы знали, как я несчастна и одинока.

Если видите Бор. Юл.⁴, передайте ему привет.

Еще раз спасибо за книгу.

Обнимаю и жду.

Ел. Федотова

P.S. Работы нет, каждые полчаса слушаю радио в ожидании нового Дюнкерка⁵.

До половины ночи перечитывала Вашу книгу, т. е. то, что касается Франции. Нет тех ужасных рассказов (так! — M.B.) о концентрационных лагерях, которые я бы не читала не скажу спокойно, но мужественно с каким-то сознанием морального долга «соучастия». Но когда доходит до падения Франции, до ее обреченности, я не могу удержать<ся> от слез и воплей (благо я одна в отельной комнате).

Это было пережито 10 лет тому назад, не на полях сражений (что может быть и легче), а у радио и на больших дорогах и exode'a⁶. Неужели надо это переживать второй раз здесь, в Америке, при полной невозможности помочь? Да и во Франции была бы та же невыносимая пассивность на «пиру богов». Надеялась поработать на вооружение, но до полной мобилизации, когда берут старух, еще далеко. Теперь и в прилуки попасть нелегко. Остается или подголадывать, или ходить по знакомым, чужим людям и слушать праздные разговоры. Предпочитаю первое, к тому же это полезно для «мысли», хотя и губительно для физиомордии. Впрочем, слезы еще губительнее.

Тут появилась Нина Берберова и произвела неприятное впечатление бегающими глазами и заискиванием. Но с помощью Керенского и Романа Гуля она всюду пролезет⁷.

Трудно Вам теперь, Володя, помню себя в Марселе в таком же положении. Да поможет Вам Господь, и Ил.Ис. и Борис⁸. Я так чувствую, как они веют над Вашей книгой и как они обрадуются.

Ел. Федотова

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Датируется по содержанию.

¹ Нина (1916–1992), дочь Елены Николаевны Федотовой (1885–1966) от первого брака, усыновленная Г.П. Федотовым.

² Федотов Георгий Петрович (1886–1951), русский историк, философ, публицист, оказал большое влияние на идеиное становление В.С. Варшавского, в т. ч. на формирование его новоградских идей в период сотрудничества с парижским журналом «Новый Град» (1931–1939), которым Варшавский был верен и в дальнейшем (см., например: [Варшавский 1965]). В 1941 г. Федотов в связи с немецкой оккупацией эмигрировал из Франции в США. Горячо поддержал военную прозу Варшавского и высоко оценил его первые послевоенные рассказы, появившиеся в эмигрантской прессе: «Первый бой» (Новый журнал. 1946. № 14) и «Младший лейтенант Данилов» (Новоселье. 1946. № 24/25). В письме к Варшавскому от 16 января 1947 г. он писал: «Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность. Ждем от Вас других присылок. И еще мне хотелось бы сказать Вам, что Вы должны верить в себя, в свои силы и помнить, что для Вас в литературе заключается выход из трагедии жизни. Вообще этот выход только в творчестве. Для одних в любви, для других в искусстве или в знании. Жизнь всегда была страшна, но это не мешало любить ее Пушкину и Толстому. Весь секрет в собственных силах. У Франциска страдания мира за jakiгали костер пламени любви, а у нас чаще всего оборачивается ненавистью — и к людям, и к самому себе. Я за последние годы пришел к выводу, что почти все современное искусство живет разрушением жизни и человека. В этом смысле есть полное соответствие между, скажем, Пикассо (или Яновским) с Бухенвальдами. И сейчас особенно нужно доброе слово о человеке» (ДРЗ. Ф. 54).

³ По приезде в США Варшавский при устройстве на работу указывал в документах Г.П. Федотова, а также М.М. Карповича как своих поручителей, см: Application for Position. The New York Public Library. 1951. 6 April (Там же).

⁴ Физ Борис Юльевич (1904–1978), инженер, редактор издательства «YMCA-Press», член РСХД, коллекционер работ постимпрессионистов, друг В.С. Варшавского.

⁵ Имеется в виду военная операция 26 мая – 4 июня 1940 г. по эвакуации английского экспедиционного корпуса и отдельных частей французской армии из Дюнкерка (Франция) в Англию, вошедшая в историю как Дюнкеркская трагедия. В итоге этой операции 28 мая бельгийские войска капитулировали, а французские войска, прикрывавшие отход англичан, к 4 июня остались без боеприпасов и также сложили оружие. 4 июня Дюнкерк был занят немцами.

Е.Н. Федотова скорее всего имеет в виду значительный виток в истории холодной войны между СССР и США, произошедший именно в 1950 г. 31 января 1950 г. президент Трумэн поручил Совету национальной безопасности США разработать директиву, содержащую всесторонний анализ политического положения и целей США с учетом возможного появления у Советского Союза нового ядерного оружия, в том числе термоядерной бомбы, и гипотетического ядерного удара. Директива была принята 14 апреля 1950 г., войдя в историю как Директива СНБ-68 и как один из основных документов холодной войны. В 1950 г. Соединенные Штаты приступили к реализации обширной программы испытаний ядерного оружия, включая водородную бомбу. Эта нарастающая атмосфера страха перед «красной опасностью» во многом вынудила Варшавского переехать в США.

⁶ Exode — исход (фр.). Речь идет о панике, охватившей Францию при наступлении фашистских войск.

⁷ Писатель, журналист и общественный деятель Роман Борисович Гуль (1896–1986) помогал Берберовой в первое время после ее переезда в США, но очень быстро разочаровался и стал относиться к ней с откровенной враждебностью. С политическим деятелем Александром Федоровичем Керенским (1881–1970) Берберова дружила еще в парижский период, он не раз гостил у нее в Лонгшене.

⁸ Имеются в виду описанные в повести герои движения Сопротивления Илья Исидорович Фондаминский и Борис Владимирович Вильде. После войны Варшавский посвятил памяти Вильде также отдельный очерк [Варшавский 1947].

Приложение

Г.В. Адамович

«СЕМЬ ЛЕТ»*

В повести В. Варшавского «Семь лет» рассказано о том, что видел, что передумал и перечувствовал русский эмигрант, интеллигент, солдат Французской армии, во время последней войны. Герой носит имя Владимира Гуськова. Однако автобиографичность повести совершенно очевидна и несомненна, рассказ, ведущийся от первого лица, по всей вероятности представляет собой дневник. Некоторые литературные украшения, в этот дневник введенные, — например, заключительная полуусомнамбулическая глава, — ничего к нему не добавляют и с ним мало связаны. В памяти остается лишь точная обстоятельная запись о том, что относится к действительности, а не к вымыслу — предвоенные дни в Париже, короткое пребывание на фронте, долгий утомительный плен в Германии, освобождение, пришедшее с советской стороны и оказавшееся далеко не столь легким и радостным, как автор ждал.

Повесть исключительно содержательна и исключительно интересна, — однаково вовсе не в том смысле, в котором определяется порой, как «очень интересный» какой-нибудь авантюрный роман. Интерес, ценность и значение повести Варшавского в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости. Грозные события, свидетелем которых довелось ему стать, запечатлены в его книге без малейшей предвзятости, без всякого заранее придуманного «подхода», и когда они, эти события, оказываются мало похожи на те представления, которые в сознании автора «Семи лет» сложились, в книге отражается изумление, смущение, даже растерянность, что угодно, кроме стремления подогнать факты к удобным, готовым схемам.

Владимир Гуськов — существо не совсем «от мира сего», во всяком случае, он не похож на большинство тех людей, которых мы ежедневно встречаем. Он доверчив, искренен, серьезен, рассеян к пустякам, вдумчив и пытлив в отношении всего, что касается самой сущности бытия, и — это очень для него характерно — лишен чувства юмора. Поэтому он часто кажется простодушен. Все мы по привычке отшучиваемся от многоного того, что, казалось бы, к шуткам ничуть располагать не должно — да и не стало ли это до известной степени нашей традицией со времени Пушкина и его прелестных, чудесных, но почти всегда двоящихся между насмешкой и печалью писем? Не знаю, ценит ли и понимает Гуськов шутку. Но личного расположения к ней у него нет наверное, и он как бы без кавычек говорит о том,

---

* Впервые: Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8. Подп.: Георгий Адамович.

что у другого писателя иронию вызвало бы неизбежно. Он признается в своей готовности любить всякое начальство, настойчиво напоминает о своем врожденном желании всем нравиться и у всех вызывать симпатию, он по-детски рассказывает о том, как в пленах, жестоко голодая, молился Богу — «Боже, неужели Тебе не жалко меня, разве Ты не видишь, как я мучаюсь?.. Сжалься надо мной, пошли мне еду, и Ты увидишь, каким я стану хорошим». Прочитав у Бергсона о христианском происхождении демократического идеала, Гуськов «навсегда, на всю жизнь понял, что он демократ». Да, над такими строками улыбка, отсутствующая у автора, появляется на лице читателя сама собой. Не то чтобы мысли или чувства эти были уж слишком диковинны, нет, но тон их как-то беззащитно откровенен и бесхитростен. В наши дни мы к этому не привыкли. Однако неизменная склонность и согласие Гуськова оставаться таким, как он есть, обезоруживает и подкупает.

Гуськов пошел на войну с энтузиазмом, считая, что в борьбе против Гитлера происходит схватка мирового добра с мировым злом. О неизбежности войны было много разговоров в философско-политическом кружке некоего Манушки, — псевдоним, который легко будет раскрыть всяким, знавшим русскую общественную жизнь в Париже до 1939 года. Были в этом кружке «непротивленцы». Однако сам Мануша и вернейшие его друзья были за уничтожение зла любой ценой. К ним примкнул и Гуськов. Его, созерцателя и мечтателя, увлекла возможность действия, и какого действия! Что сильнее всего поразило Гуськова на фронте? Пожалуй, то, что не только о метафизической, но и просто об идеальной основе или подкладке войны никто из участников войны не думал, видя в этой войне, как и во всякой другой, дело тягостное и бессмысленное. Одни надеялись «заработать крестик», другие заботились о том, как бы устроиться где-нибудь в интенданстве или в тылу. Энтузиазм отсутствовал полностью. На фронте среди тех людей, которые в войну были невольно вовлечены, борьба добра со злом представлялась мифом или даже бредом. Гуськов, прирожденный Гамлет, оказался тут Дон Кихотом.

Это — очень верное наблюдение и наблюдение трагическое. Можно было бы без натяжки добавить: наблюдение русское. Еще раз русский интеллигент столкнулся с народом, пусть ему по крови и чужды, и еще раз оказалось, что его бескорыстные и тревожные порывы народу чужды. Гуськов переписывается с парижскими друзьями, и те его понимают. Но военные его товарищи, все эти Раймонды, Жаны и Пьеры понять его не могут, да и не хотят. Его духовное одиночество усиливается с каждым днем, по мере того как растет и укрепляется обыкновенное жителей-молодецкое приятельство с однополчанами. Замечательно, что в иностранной литературе явления такого рода мало и только случайно отражены. Несомненно, есть в недоумении Гуськова что-то глубоко русское, может быть и уходящее сейчас в прошлое, — как знать? — но со всей нашей историей неразрывно связанное.

Страницы, посвященные сдаче в плен, пребыванию в Германии, первым встречам с «остовцами» и, наконец, появлению советских войск, замечательны в своей простоте и спокойной, ровной силе. Кропотливый «психологизм» автора, несколько душный и утомительный в начале повести чрезмерным вниманием к самому себе, сменяется вниманием к миру и другим людям. Впечатление такое, будто распахиваются окна. Крепнет и язык, уверенное становится изобразитель-

ное мастерство. В первых главах книги Варшавского еще попадаются фразы, будто взятые из арсенала условно-книжной словесности (например: «выступая из сумрака, стены утвердились в своей каменной несдвигаемости»). Чем дальше, тем таких уступок литературщине оказывается меньше, и тем тверже и вернее становятся портретные или пейзажные наброски. Читатель не знал, конечно, ни этих немцев, ни этих упрямых или добродушных бретонцев, ни фельдшера Федю, ни удалого конюха Яшку, но вспоминает он о них после чтения как о близких знакомых. Да и весь бытовой фон повествования кажется видным в самом деле.

Ценнее, значительнее всего в книге — записи о встречах с советскими офицерами и солдатами, именно потому, что в них явно и несомненно отсутствует всякая нарочитость, положительная или отрицательная. Русские люди у Варшавского то представлены такими же, какими они казались нам всегда, то вдруг оказываются проникнуты новым, пугающим его, жестоким, презрительно-административным духом. Размышления автора «Семи лет» и наблюдения его должны бы заставить задуматься всякого, — и не случайно он, рассказывая о возвращении своем во Францию, говорит:

«Как же это могло случиться? Я так спорил, когда брали русских, так преклонялся перед великим подвигом, совершенным ими в эту войну, а вот расставаясь, не только не пожалел, что не могу остаться с ними, а вздохнул с таким чувством освобождения и счастья, точно избавился от большой опасности. Неужели же я лгал самому себе, будто я восхищаюсь русскими? Предположить это было бы бессмысленно, ведь это был тот же русский народ. Мне вспоминались невысокие, незаметные, похожие на капитана Тушина офицеры и такие же солдаты с лицами, выражавшими почти что галилейскую добрую, смиренную простоту... Но вдруг я видел нечеловеческую ничтожность серого бритого лица майора Дубкова, его бездушный, глумливо блестящий взгляд, и на всех плакатах, на всех портретах вождей такой же взгляд, смотревший на все живое с бессмертным презрением административного всемогущества... И я вспоминал, как все доброе заменялось в чертах русских чем-то безличным и невероятно грубым, когда они исполняли приказания воли, светившейся в этом взгляде».

Над такими раздумьями и сомнениями останавливаешься невольно: книга лежит на коленях, мысль уносится далеко. Тысяча вопросов связана с ними, и вопросы таких, которые для всех нас и для всего нашего будущего важны.

Подводя впечатлениям от книги Варшавского итоги, я хотел бы назвать одно, огромное имя, которое вспоминается при чтении много раз — имя Льва Толстого. Не для сравнения, конечно: сравнение было бы нелепо. Однако что-то смутно-толстовское в натуре автора «Семи лет» несомненно есть: упорство, настойчивость, глубокая, непреклонная правдивость, бесстрашная искренность, отказ от всякой позы или фанфаронады. Он тоже чуть-чуть тяжелодум или даже однодум, тоже хочет все понять, проверить и до всего дойти сам, без чужой указки. Скажу еще раз, людей такого рода, как Гуськов-Варшавский, в наш — как известно, чрезвычайно «динамический» — век очень мало. Оттого, может быть, и книга его выделяется среди других новых русских книг. Есть книги более блестящие. Нет книги, в которой отчетливее сквозило бы желание отбросить и вытравить всякую мишуру.

Литература

- Адамович 1939 — Адамович Г. Комментарии // Современные записки. 1939. № 69. С. 265–271.
- Адамович 1950 — Адамович Г.В. «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8.
- Адамович 2000 — Адамович Г. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / публ. и примеч. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 121–151.
- Алексинский 1947 — Алексинский В.И. Несколько слов о русских добровольцах в рядах «Войск свободной Франции» // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. Февр. С. 23–27.
- Андреев 1953 — Андреев Ник. Заметки о журналах («Возрождение» 25, 26; «Границы» 16; «Новый журнал» XXXI, XXXII) // Русская мысль. 1953. 13 мая. № 553. С. 4–5; 16 мая. № 554. С. 4–5.
- Бахрах 1947 — А. Бахрах. Новоселье № 35–36 // Русские новости. 1947. 1 авг. № 113. С. 4.
- Берберова 1950 — Берберова Н. «Семь лет» В. Варшавского // Русская мысль. 1950. 11 окт. № 283. С. 5.
- Варшавский 1932 — Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
- Варшавский 1936 — Варшавский В. О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 409–414.
- Варшавский 1947 — Варшавский В. Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. С. 9–15.
- Варшавский 1950 — Варшавский В. Семь лет. Париж: Imprimerie Abécé, 1950.
- Варшавский 1965 — Варшавский В. Перечитывая «Новый Град» // Мосты. 1965. № 11. С. 267–285.
- Варшавский 1972 — Варшавский В. Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972.
- Варшавский 2010 — Варшавский В.С. Незамеченное поколение / предисл. О.А. Коростелева; сост., comment. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста прилож., послесл. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010.
- Васильева 2012 — Васильева М.А. Семья Варшавских в Праге // Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение, наследие / сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага: Национальная библиотека ЧР — Славянская библиотека; ГО «Русская традиция», 2012. С. 301–308.
- Демидова 2007 — Демидова О. Американский опыт Нины Берберовой // Космополис. 2007. № 2 (18). С. 11–23.
- Нечаев 2008 — Нечаев В.П. К вопросу о гибели А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманистические проекты русского зарубежья / сост. и науч. ред. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 333–338. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Мат-лы и исслед.; вып. 9).
- Обатнина 2001 — Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьяня Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
- Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым 2011 — «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подгот. текста и comment. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2011. С. 290–478
- Протасов 2008 — Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008.

- Ремизов 1954 — *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954.
- Серапионова 1995 — *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Федотов 1936 — *Федотов Г.П.* Пассионария // Новая Россия. 1936. № 14. С. 14–15.
- Хазан 2000 — *Хазан В.* Два фрагмента из истории русских масонов-эмигрантов в Париже // Евреи России — иммигранты Франции: очерки о русской эмиграции / под ред. В. Мостовича, В. Хазана и С. Брейар. М.; Париж; Иерусалим: Гешарим — Мосты культуры, 2000. С. 307–376.
- Хазан 2010 — *Хазан В.* «Семь лет»: история издания. Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.
- Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире. («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.
- Яновский 1995 — *Яновский В.* «Третий час» Елены Извольской // Время и мы. 1995. № 127. С. 235–241.

Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace 1996 — Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945. Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. Díl I. Svazek 1. S. 114–116.